

Классики не умирают. Беспопадное время лишь по-новому высветчивает их мысли, выделяя те, что актуальны в любую эпоху. “Вре́мён связующая нить” тянется веками благодаря никогда не умирающему культурному наследию прошлого. Это можно сказать и о Горьком, мыслителе сложном и неоднозначном, художнике, бесспорно, великом. Его книги – это огромное художественное полотно, на котором талантливо изображена Россия конца XIX – первой трети XX века. Писатель показал её миру со всеми достоинствами и недостатками, с её удивительным народом, душу которого знал лучше других.

Будучи свидетелем, а часто и участником многих исторических событий своего времени, Горький отразил их в своих произведениях так, что они и сегодня волнуют читателя, будь то “хождение в народ” и возникновение социал-демократических партий, первая русская революция и мировая война, революционные события 1917 года, гражданская война и партийная борьба в 1920–1930-х годов, культурное строительство в СССР, противостояние социализма и капитализма. Писатель умирал, когда на нашу страну надвинулась угроза фашизма, и в предсмертном бреду повторял: “Будет война. Надо готовиться!”

Достоверность горьковского повествования всегда держится не только на реальном знании исторических событий, но и на большом таланте художника. Он смог увидеть историю в революционном развитии и показать её с высоты идеалов будущего. Начав с освоения истории как предмета изучения, он шёл от определения своего места в ней к постижению истории в каждой отдельной личности. Человек, его душа, мысли и поступки интересовали писателя прежде всего.

В 1910 году, живя на Капри, Горький так сообщил А. В. Амфитеатрову о работе над повестями окурковского цикла: “Наступают на меня десятками эти российские люди, и каждый просит: меня запиши! Тоже хорош человек был и тоже зря прожил всю жизнь. Уговариваю: отступитесь, братцы, я вам не историк! А они: да кому же, кроме, историком-то нашим быть? Эх, землячок, ты гляди, чего делают писатели-те, совсем нас, Русь, похерили в сердцах своих! Монахины, канатчики, бродяги, окуровцы. Идут, идут, идут”. И он талантливо описывал всех: босяков и купцов, мещан и “дачников”, обывателей и героев, рабочих и хозяев, революционеров и либеральных интеллигентов, царей и большевистских вождей.

Мастерство портретных характеристик в произведениях писателя поражает. Вот Макар Чудра: “Он похож на старый дуб, обожжённый молнией, но всё

ещё мощный, крепкий и гордый силой своей”. Вот старуха Изергиль: “Время согнуло её пополам, чёрные когда-то глаза были тусклы и слезились. Её сухой голос звучал странно, он хрустел, точно старуха говорила костями”. А рядом зеленоглазая, “свободная, как чайка”, Мальва, у которой “душа не по телу”. Или один из финансовых королей США, который не только делает деньги, чтобы сделать ещё деньги, но и претендует на власть во всём мире: “Пальцы его рук обладают удивительным чутьём и волшебной силой удлиняться по желанию <...> это были, прежде всего, длинные эластичные руки. Они охватили весь земной шар, приблизили его к большой чёрной пасти, и эта пасть сосёт, грызёт, жуёт нашу планету”. А вот торговка из “Сказок об Италии”: “старый мешок, туго набитый мясом и костями и кое-где сильно сморщенный”.

Горький обладал способностью в нескольких метких словах дать исчерпывающую характеристику человека: повожские купцы – “прямые, как железные рычаги”, Лев Толстой – “звучный колокол мира сего”, В. Ленин – “весь в словах, как рыба в чешуе”, Савва Морозов – “европеец по-русски”. Столь же выразительны меткие афоризмы Горького, которыми до сих пор пользуются журналисты в СМИ, даже не зная, кому они принадлежат: “Безумство храбрых – вот мудрость жизни”, “В жизни всегда есть место подвигам”, “Рождённый ползать – летать не может”, “В карете прошлого далеко не уедешь”, “Человек – это великолепно! Это звучит гордо”, “Ложь – религия рабов и хозяев. Правда – бог свободного человека”, “Нет такого расписания движения, которое нельзя было бы изменить”, “Хозяин – тот, кто трудится”. “Если враг не сдаётся, его уничтожают”.

Не менее выразительны описания природы, обстановки, места действия в произведениях Горького. “Город похож на старую гравюру, щедро облит жарким солнцем и весь поёт, как орган, синие волны залива бьют о камень набережной, вторя грохоту и крикам гулками ударами, – точно бубен бьёт”. Это Неаполь.

“На берегу стоят двадцатипятиэтажные дома, безмолвные и тёмные “скребницы неба”. Квадратные, лишённые желаний быть красивыми, тупые тяжёлые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно. В каждом доме чувствуется надменная кичливость своею высотой, своим уродством. В окнах нет цветов и не видно детей. Издали город кажется огромной челюстью с неровными чёрными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением”. Это Нью-Йорк.

“Город имеет форму намогильного креста: в комле – женский монастырь и кладбище, вершину – Заречье – отрезала Путаница, на левом крыле – серая от старости тюрьма, а на правом – ветхая усадьба господ Бубновых, большой облупленный и оборванный дом: стропила на крыше его обнажены, точно рёбра коня, задранного волками, окна забиты досками, и сквозь щели их смотрит изнутри дома тьма и пустота”. Это дореволюционная Россия, городок Окуров.

Критикуя пустую бесцельную жизнь “сереньких людишек”, Горький мечтал о рождении Человека с большой буквы, который превзойдёт себя и сделает жизнь справедливой и радостной. К. Чуковский заметил, что писатель верит, что человечество с помощью коллективного труда масс превратит жизнь в рай. Он писал: “Весь пафос поэзии Горького – в заботе о таком счастливом будущем. Горький – не богоискатель, не правдоискатель, он только искатель счастья: счастье для него дороже правды, святее Бога, и если Бог не даст человечеству счастья, Горький забракует такого никчёмного Бога. И если правда не даст человечеству счастья, то да здравствует ложь!”

Чуковскому возразил Г. Адамович: “Горький кажется Чуковскому плоским именно тогда, когда он прост. Горький много говорит о культуре. Чуковского смешит это упорство, и он не чувствует, как оно человечно и как оно оправдано исторически. Он упрекает Горького в двоедушии и на этом строит свою книгу: одна из душ Горького рационалистическая – по-чаадаевски ненавидит Россию, унылую, ленивую, несчастную; другая – творческая – только её и умеет изображать. Всё это не так. Всё это сложнее и труднее поддаётся формулировкам. Неужели Чуковский серьёзно думает, что в живом сознании возможны такие разделения и что в нём всё не сплетено в один клубок...”

В том-то и дело, что в живом сознании Горького многие, казалось бы, противоположные идеи были сплетены в один клубок. Вся жизнь пытаюсь понять, что предпочесть человеку – горькую правду жизни или красивый вымысел, –

он так и не нашёл окончательного ответа. Осуждая “утилитарство” Луки, он сам зачастую чурался той правды, которая каменем падает на крылья и не даёт дальше лететь. Романтическая окрылённость, постоянное стремление “вперёд и выше” отличали писателя от многих его современников. Он искренне верил, что мир развивается постоянно и активными действиями можно изменить его к лучшему. Человек, по мнению Горького, не раб Божий, а личность, подвластная внешним воздействиям и стремящаяся к совершенствованию.

Горьковская концепция личности питалась убеждением, что человек способен бесконечно совершенствоваться и вся его деятельность вместе с ним будет развиваться из века в век. Он писал И. Репину: “Верю в бесконечность жизни, а жизнь понимаю как движение к совершенствованию духа”. Заметим, что он говорит не об изменении общественного строя, а о совершенствовании духа. Одно это свидетельствует о том, что “буревестник революции” Горький не был ортодоксальным марксистом. В 1900 году он признался Л. Толстому: “Глубоко верю, что лучше человека ничего нет на земле и, даже переворачивая Демокритову фразу на свой лад, говорю: существует только человек, всё же прочее есть мнение. Всегда был, есть и буду человекопоклонником. . .” И о том же – в письме А. П. Чапыгину в августе 1925 года: “Верю же я только в человека, только в него. Это вся моя религия, весьма мучительная, но в той же мере и радостная”.

Изображая многие узловые события XX века с точки зрения воздействия истории на человека, Горький полемизировал с теми, кто считал личность неспособной на действительное изменение существующего порядка. Его афоризм “В жизни всегда есть место подвигам” роднил писателя с революционными романтиками. Будучи человеком, который “сделал сам себя”, он верил, что нужно пытаться создать гармонию между собой и миром и гармонию в себе самом. Положительная программа раннего Горького при всей декларативной риторике и утопии напоминала не марксистские лозунги социалистов и не заповеди Заратустры, а универсалии Разума, понимаемые в традициях философии Просвещения. При этом явственно звучащая социальная мысль уживалась с дерзкой попыткой уравнивать мятежного Человека с Богом или хотя бы поставить его рядом с ним. Утопическая идея создать новую религию для Человека и народа, иначе говоря, “богостроительство”, отчётливо прозвучала в горьковских повестях “Мать” и “Исповедь”, вызвав резкую критику не только в либеральной, но и в социал-демократической прессе.

Дело в том, что идея религиозного обновления, популярная среди философов и писателей Серебряного века, по-своему осмыслялась Горьким. Он понимал идею социализма как новую веру народа на пути к будущему справедливому и разумному строю и в то же время – как новое течение духовной жизни, столь же сильное, “как христианство на заре возникновения”. Поэтому он считал, что новая вера должна постепенно внедряться в сознание русского народа вместе с революционной пропагандой, а само понятие “революция” следует углубить и расширить, включив в него идею культурного воспитания народа.

Накануне Первой мировой войны Горький мечтал создать “интернационал интеллигенции”, который объединил бы всех здравомыслящих людей науки и искусства в мире. Таким образом писатель думал поставить заслон вражде, ненависти, алчности и злобе, предотвратив войны на планете. И хотя начавшаяся война разрушила его мечты, Горький не устал твердить о необходимости культурной революции, без которой в России немислимы никакие социальные перемены. Его понимание социализма во многом отличалось от теоретических программ большевиков, меньшевиков, американских фабианцев и европейских социал-демократов, ибо он верил, что не только классовая борьба и экономические условия влияют на ход событий, но, прежде всего, сам человек. Резкая полемика с большевиками в дни Октябрьского переворота объясняется тем, что писатель опасался, как бы ход событий не оказался в руках безответственных авантюристов, которым безразличны судьбы России. Предупреждая большевиков, что белые одежды свободы не могут быть замараны кровью, Горький настойчиво твердил, что русский народ не должен быть хвостом, от огня которого загорится всемирная революция. Не человек для революции, а Революция для Человека!

8 (21) октября 1917 года Горький опубликовал в газете “Новая жизнь” воззвание “Нельзя молчать!”, в котором, говоря о возможном вооружённом восстании большевиков, предупреждал: “На улицу выползет неорганизованная

толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут творить “историю русской революции”. Опасения Горького понятны.

Он один из немногих, кто догадывался о тайных силах, стоявших за спиной большевиков, о сговоре американских финансовых магнатов, европейских банкиров и международных политиков, чтобы с помощью революции добиться изменения строя в стране и предотвратить победу России в войне. Знакомый с А. Парвусом (А. Л. Гельфандом) с 1902 года и серьёзно пострадавший от его авантюризма, Горький мог знать и о “Меморандуме доктора Гельфанда” 1915 года, в котором предлагались конкретные меры по организации революционного переворота в России. Не его ли имел в виду Горький, говоря об авантюристах и ворах (Парвус украл у него 130 тысяч марок, предназначенных для партийной кассы), которые будут совершать переворот с помощью наёмных дружин боевиков?

Горький, без сомнения, знал, что 3 (16) октября 1917 года на заседании ЦК РСДРП(б) было принято решение о вооружённом восстании. Ему мог сказать об этом Л. Каменев, который вместе с Г. Зиновьевым опубликовал в том же номере “Новой жизни”, где было напечатано воззвание “Нельзя молчать!”, заявление, в котором говорилось, что в настоящий момент восстание было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом. Пытаясь предотвратить кровопролитие, Горький уговаривал большевиков отказаться от выступления. Ему ответил в “Новой жизни” Л. Троцкий, который не только не опроверг слухов о возможном выступлении, но и подтвердил, что оно готовится. Добавим, что Горького в 1918 году грубо обругал И. Сталин в анонимной статье “Окружили мя тельцы мнози, тучны”, не простив ему воззвания и последовавшей затем полемики с большевиками.

Вплоть до середины 1918 года Горький активно высказывал свои “еретические” суждения о новой власти в циклах статей “Несвоевременные мысли” и “Революция и культура”. Мучительно переживая за судьбу России, писатель протестовал против “эксперимента”, который проводят над страной и её народом большевистские комиссары. Он пишет: “Костёр зажгли: он горит плохо. Воняет Русью, грязненькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять её ради спасения мира”.

После того, как была закрыта газета “Новая жизнь”, Горький начал работать с советской властью, спасая от гибели тысячи учёных и писателей, помогая им пережить ужасы гражданской войны и страшного голода. И хотя Ленин иногда прислушивался к просьбам Горького, он же был инициатором отъезда писателя за границу. “Не поедете – вышлем!” – сказал он в конце 1921 года. Если учесть, что в 1922 году на так называемых “философских” пароходах была выслана из России большая группа интеллигентов, оппозиционно настроенных к советской власти, можно сказать, что Горький был первым в их числе.

Уехав из Советской России в октябре 1921 года, Горький продолжал осмысливать уроки Октября. 3 января 1922 года он писал Р. Роллану: “Ошибочно думать, что русская революция есть результат активности всей массы русского народа, – нет. Народная масса ещё не усвоила, не понимает значения событий. <...> Революции всегда совершались – Вы это знаете – волею немногих безумцев”. Писатель окончательно вернулся на родину лишь спустя десятилетие, когда поверил, что советская власть может стать властью народа, а страна, в которой растёт “маленький большой человек”, будет со временем “самой яркой демократией земли”.

Б. Пастернак назвал Горького “океаническим человеком”, пояснив, что он “крупен своим сердцем и своим истинным патриотизмом”.

Поражает, прежде всего, масштаб личности писателя и необъятность его творческого наследия. Прозаик, драматург, публицист и критик, написавший более 80 томов сочинений, собрание которых до сих пор не издано.

Автор 20 тысяч писем, адресованных политическим и общественным деятелям, писателям и учёным всего мира, а также начинающим литераторам, рабочим и колхозникам, домохозяйкам и детям... Горький переписывался едва ли не со всеми выдающимися людьми своего времени в России и за рубежом. Один только перечень адресатов свидетельствует не только о широте его интересов, но и о всемирной известности писателя. Среди них Л. Толстой, А. Чехов, В. Короленко, И. Репин, Ф. Шалапин, И. Шмелёв, М. Шолохов,

А. Толстой и многие другие. Среди иностранных корреспондентов Р. Ролан, Б. Шоу, А. Франс, Г. Уэллс, К. Гамсун, Г. Гауптман, К. Каутский, М. Хилл-вит, А. Барбюс и др. Политические деятели: Г. Плеханов, В. Ленин, И. Сталин, Л. Троцкий, Л. Каменев, Н. Бухарин, А. Рыков, В. Молотов, С. Киров и др. Учёные: И. Павлов, К. Тимирязев, К. Циолковский, С. Ольденбург, Н. Семашко, А. Сперанский, Ф. Браун, В. Оствальд, С. Метальников и др.

“Буревестник революции” – политический и общественный деятель, прошедший путь от участника социал-демократического движения 1890-х годов и активного деятеля первой русской революции до члена ЦИК СССР и при этом оставшийся независимо мыслящим художником.

Успешный издатель, основавший в России и за рубежом несколько издательств, вошедших в историю книгопечатания: “Знание”, издательство И. П. Ладыжникова, “Парус”, издательство З. Гржебина, “Kniga”, “Всемирная литература”, “Academía”.

Инициатор и создатель серий книг “Библиотека поэта”, “История гражданской войны”, “История фабрик и заводов”, “Жизнь замечательных людей” и др., газет, журналов и альманахов, некоторые из которых существуют до сих пор.

Один из последних просветителей своего времени Горький начал работу внедрения культуры в самые отсталые слои народа с создания Народного Дома в Нижнем Новгороде. В 1910 году он был одним из организаторов Каприйской партийной школы для рабочих-пропагандистов и до конца своих дней – учителем и наставником начинающих писателей из народа. После 1928 года Горький стал организатором всего культурного процесса в СССР. По его инициативе созданы Литературный институт и Институт мировой литературы, реорганизован ВИЭМ и возникли многочисленные учреждения культуры, носящие имя Горького.

Основоположник нового направления в русской литературе, которое советские идеологи по указанию И. Сталина называли социалистическим реализмом. Синтез реализма, романтизма и социалистического мифотворчества, характерный для Горького с 1906 года, сегодня всё чаще именуют новым реализмом, а в живописи даже романтизмом. Но это не значит, что штампы советского литературоведения, прочно прилипшие к писателю в самом конце его жизни, соответствуют действительности.

В конце XX века были разрушены методологические основы марксизма-ленинизма и резко изменилось представление о литературном процессе, однако Горького по-прежнему называют “первым по времени и рангу пролетарским писателем” (определение Луначарского), убеждённым марксистом и верным другом В. Ленина и И. Сталина, “основоположником социалистического реализма”, который якобы возник в его повести “Мать”, написанной в 1906 году в США. При этом мало кто знает, что в последние годы жизни писатель ратовал за разнообразие художественных стилей писателей, протестуя против попыток подчинить литературу партийному диктату. Упорно называя себя “плохим марксистом” и беспартийным человеком, он неоднократно выступал против руководящей партийной верхушки Союза советских писателей, мысля его как добровольное содружество писателей, объединённых единой целью – пропагандировать “лучшие идеалы лучших людей человечества”.

До сих пор нет документальных доказательств, что Горький был членом партии большевиков. В воспоминаниях его гражданской жены М. Ф. Андреевой, благодаря которой писатель тесно сблизился с большевиками, говорится, что их приняли в партию в 1904 году. Однако в первом письме Ленину от 28 июля 1905 года Горький пишет: “... считая Вас главой партии, не будучи её членом, я всецело полагаюсь на Ваш такт и ум”. 27 ноября того же года состоялось личное знакомство писателя с Лениным, что дало повод советским исследователям считать эту дату временем его вступления во фракцию. Но в этот день на квартире писателя шли лишь переговоры об изменении состава редакции “Новой жизни”, об издании большевистской газеты “Борьба” и организации издательства “Демос”.

Известно, что Горький с 1902 года активно поддерживал большевиков денежными средствами и вместе с Парвусом фактически был спонсором первой русской революции. В дни декабрьского вооружённого восстания 1905 года в Москве его квартира стала боевым штабом революционеров. Вынужденный по решению ЦК РСДРП(б) уехать с Европу и Америку, чтобы собрать денеж-

ные средства для продолжения революции, Горький вёл себя как полномочный представитель партии. Однако он участвовал в работе V съезда РСДРП(б) лишь с совещательным голосом, а на Штудгартский международный конгресс вообще не поехал. Организация Каприйской партийной школы в 1909 году сильно осложнила отношения Горького с большевиками-ленинцами.

Как известно, на Капри он сблизился с так называемыми “другими большевиками” (А. Богданов, В. Базаров, А. Луначарский, Г. Алексинский и др.), которые резко полемизировали с Лениным и его сторонниками по вопросам философии и тактики партии в период реакции. Не сумев примирить Ленина с Богдановым, Горький встал на сторону “других большевиков”, считая их взгляды более близкими к своим, и даже вступил в их группу “Вперёд”. Однако организованная на Капри партийная школа для рабочих-пропагандистов из России вызвала яростное осуждение большевистской редакции “Пролетария” и самого Ленина. Называя “Вперёд” антипартийной фракцией, он добился исключения А. Богданова из партии. На совещании расширенной редакции “Пролетария” в июне 1909 года ничего не говорилось о Горьком и других организаторах партийной школы на Капри. Однако в ноябре того же года в буржуазной прессе России и всего мира появились сообщения об исключении писателя из партии. В газете “Утро России” утверждалось, что он “отлучён” вместе с А. Богдановым и А. Луначарским за организацию партийной школы без разрешения ЦК, а также за попытку вместе с другими “богостроителями” и “отзовистами” ревизовать учение Карла Маркса.

Горький выступил с опровержением, но кампания в печати разгоралась, как костёр, захватив и солидные зарубежные издания. Горького бомбардировали телеграммами, осаждали интервьюеры. Раздосадованный, он ответил 30 ноября на вопрос об исключении: “Мне ничего не известно”. А Луначарский сообщил: “Право исключать имеет только съезд, а его не было”. 28 ноября (11 декабря) 1909 года в газете “Пролетарий” появилась статья Ленина “Басня буржуазной печати об исключении Горького”, где говорилось о подоплёке искусственно раздуваемого скандала — попытке поссорить писателя с большевиками. Заграничное бюро ЦК РСДРП(б) тоже дало официальное опровержение слухов, но они не прекращались. Даже А. Амфитеатов поинтересовался у Горького, правда ли, что с большевиками он “разъединился”. Писатель и вправду прервал на время отношения и с Лениным, и с Богдановым, но не разочаровался в идее социализма, считая, что только с его помощью человек может прийти к полному “сознанию своего личного человеческого достоинства”. Он писал: “Требуется, чтобы человек однажды сказал сам себе: “Аз есмь создатель мира!” Именно отсюда — и только отсюда! — может родиться новый человек и новая история. Не трагайте мой социализм!”

Обратим внимание на последние слова, свидетельствующие, что у Горького было своё понимание социализма, в чём-то отличное от ленинского, богдановского, плехановского, троцкистского и, наконец, от сталинского. Этим и объясняется неоднозначность его отношения к событиям 1917 года и к политике советской власти. Этим же объясняется появившаяся у него с 1909 года стойкая неприязнь к партийным “склокам” и безразличие к членству в какой-то ни было партии. После февральской революции, когда на VI съезде РСДРП(б) (июль–август 1917 года) были приняты в партию новые члены, в том числе Л. Троцкий, А. Луначарский и даже сын писателя Максим, он сам не подтвердил своего членства, если оно было. Горький не счёл нужным сделать это и в 1918–1921 годах, хотя на VIII Всероссийской конференции РКП(б) (декабрь 1919) было принято постановление об обязательном учёте всех новых и старых членов. Всё это даёт основание сказать, что Горький был прав, когда в письмах к Сталину называл себя беспартийным человеком.

Посмотрим, правдивы ли другие утверждения советской пропаганды о Горьком. Был ли он “первым по времени пролетарским писателем”? Ведь его босяки, грузчики на Волге, рыбаки, пекари, плотники и даже наборщики и машинисты паровоза — не пролетарии в обычном, классовом смысле этого слова. Люмпен-пролетариев он тоже изобразил не первым. Среди писателей XIX века назовём хотя бы Жоржа Экоуда, в очерках которого “Из мира бывших людей” тоже заметна романтизация “отверженных”. Или Жана Ришпена и Жана Риктю, с которыми сравнивал Горького в 1898 году критик И. Игнатов. Анализируя общую для них “философию босячества”, он обнаружил качественное отличие горьковских рассказов от произведений французских авторов:

“Он сделал жизнь босяков сознательным отражением той философии, которую каждый из них выработал”. В том же году А. Скабичевский заметил, что от горьковских героев “и не пахнет тем, что на Западе известно под именем пролетариата. Перед нами явление самобытно-русское, исконно-историческое, подобное которому в настоящее время вряд ли можно найти где бы то ни было...”

Марксистские идеи широко распространялись во второй половине XIX века во всём мире. Не только в прозе (“Жерминаль”, “Ругон-Маккары” Э. Золя, “Будденброки” Т. Манна, “Мартин Иден” и “Железная пята” Д. Лондона, “Клещи” К. Лемонье и мн. др.), но и в поэзии (Э. Потье, А. Рембо, Э. Верхарн) говорилось о безжалостной эксплуатации человека при капитализме. Что касается Горького, он в раннем творчестве никогда не выступал как ортодоксальный марксист. В феврале 1897 года он писал А. М. Скабичевскому: “Я – не марксист и оным не буду вовеки, ибо считаю стыдом исповедовать “марксизм по-русски и по-немецки”, ибо я знаю, что жизнь творят люди, а экономик только влияет на неё”.

Протестуя против стремления нарядить Горького в костюм “первого пролетарского писателя”, критик еженедельника “Nation” писал, что “мерка, по которой шит этот костюм, подошла бы с таким же успехом и Джеку Лондону, и О’Генри”. Объясняя причины “притягивания” Горького к пролетарскому революционному движению, А. Удодов пишет: “Для леворадикальной интеллигенции (прежде всего, марксистского толка) оказалось весьма удобным связать пафос свободы, стремление к “правде-справедливости”, подъём “чувства личности”, характерные как приметы времени и для горьковского творчества, с классовой сущностью пролетариата, ориентированного на революцию”.

В. А. Келдыш видит более глубокие причины этого феномена. Он пишет: “Пролетарская литература на Западе, возникшая задолго до рождения Горького-художника, на первых порах – и это было закономерно – развивалась как литература преимущественно рабочей темы, обращённая к мотивам пролетарской борьбы и труда. В критических работах о раннем пролетарском и тяготеющем к нему искусстве мы встречаемся с определением “литература о рабочих и для рабочих”. Однако Горького таким определением объяснить уже невозможно, при всей важности, которую имела для него революционно-пролетарская тема. И дело тут, разумеется, не просто в тематической обширности. Сама эта обширность явилась признаком более глубоких процессов, свидетельствующих о новизне общих устремлений писателя. Именно у Горького социалистическое художественное мышление впервые становится явлением синтетическим, ключом к целостному познанию бытия”.

Романтического героя (Данко, Сокол, Буревестник) и “философствующих босяков” в творчестве Горького вскоре сменил реальный человек труда, протестующий против угнетения и насилия. Первым из них был Нил в пьесе “Мещане”, громко заявивший: “Хозяин – тот, кто трудится”. Главное художественное открытие писателя во второй период творчества – новый герой времени, способный изменить застойное течение жизни. В повестях “Мать” и “Исповедь” социалистическая идея, лежащая в их основе, придаёт произведениям мифотворческий характер. Можно сказать, что уже в 1910-х годах в творчестве Горького создаётся тот органический синтез реализма, романтизма и социалистического мифотворчества, который достигнет расцвета в “Сказках об Италии” и автобиографической трилогии писателя.

Именно этой особенностью творчества Горького воспользовались советские идеологи, которые весной 1932 года по воле Сталина начали создавать метод социалистического реализма. Как известно, его название родилось в кабинете Сталина в разговоре с партийным деятелем И. М. Гронским и на следующий день было утверждено на заседании комиссии Политбюро, где присутствовали писатели из РАППа, ВОАППа и МОРПа (А. Афиногенов, В. Киршон, Б. Ясенский, Б. Иллеш и др.) как главный творческий метод советской литературы. Горького на этом заседании не было, но председательствующий П. Постышев заявил, что метод возник в горьковском творчестве задолго до Октября. Писателю, вернувшемуся из Италии только 25 апреля 1932 года, ничего не оставалось, как принять случившееся.

Желая покрепче “привязать” Горького к Советскому Союзу и боясь, что он может не вернуться из Сорренто, Сталин в этом году чрезмерно щедро осыпал писателя подарками. Помимо уникального особняка и подмосковной дачи,

уже предостовленных для жизни на родине, писателю “подарили” главную улицу Москвы, родной город Нижний Новгород и даже Московский художественный театр, который всегда был связан с именем Чехова. Он получил орден Ленина, но даже это вызвало у него лишь недоумение: орденом Ленина наградили беспартийного “еретика”? Как правильно заметил В. Ходасевич, дворцы, дачи и земные блага были ему не нужны. Но Горький был козырной картой в большой политической игре Сталина за рубежом и в своей стране. Нужно было показать, что всемирно известный писатель стал стопроцентным марксистом, правоверным большевиком и “первым пролетарским писателем”. Поэтому Горькому в мае 1932 года был сделан ещё один подарок: его назвали “основоположником социалистического реализма”.

К этому времени Горький по праву был Учителем многих молодых советских писателей и признанным главой революционных писателей во всём мире. Но что такое социалистический реализм, он до самой смерти так и не смог понять и внятно объяснить. Чаще всего Горький называл основной метод советской литературы социалистическим романтизмом. В 1934 году в статье “О бойкости” он писал: “Революционный романтизм – это, в сущности, псевдоним социалистического реализма, назначение коего не только критически изобразить прошлое и настоящее, но главным образом способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освещению высоких целей социалистического будущего”.

Фактическое участие Горького в пропаганде нового метода ограничилось популярной статьей “О социалистическом реализме” для начинающих писателей в № 1 “Литературной учёбы”, вышедшей 17 июля 1933 года. В докладе на Первом съезде советских писателей он только раз упомянул его, сказав: “Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он, сообразно росту его потребностей, хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединённого в одну семью”.

Как видим, эта формулировка не имеет ничего общего с догматическими принципами метода, разработанными советскими идеологами после смерти писателя. Она лишь по-новому развивает постоянные горьковские мысли о социализме как единственном строе, при котором человек может усовершенствовать себя и окружающий мир.

Рекламируя основной метод советской литературы в своих публицистических статьях, Горький одновременно ратовал за разнообразие художественных стилей в литературе и никогда не требовал от писателей подчиняться партийному диктату. Более того, он неоднократно выступал против руководящей верхушки Союза писателей и марксистских критиков, пытающихся навязать культуре партийные принципы. Сошлёмся на письмо Горького И. Сталину от 2 августа 1934 года, в котором он просил освободить его от председательства в Союзе писателей, так как не желал работать с партийными чиновниками, проводящими “линию” Юдина и Мехлиса. Он писал: “Идеология этой линии не известна мне, а практика сводится к организации группы, которая хочет командовать Союзом писателей. Группа эта, идея “волю к власти” и опираясь на центральный орган партии, конечно, способна командовать, но, по моему мнению, не имеет права на действительное и необходимое идеологическое руководство литературой, не имеет вследствие слабой интеллектуальной силы этой группы, а также вследствие её крайней малограмотности в отношении к прошлому и настоящему литературы”.

Переписка Горького с И. Сталиным, В. Молотовым, Л. Каменевым, А. Рыковым, Г. Ягодой и другими политическими и общественными деятелями, ставшая известной только в начале XXI века, по-новому освещает деятельность Горького в последние годы его жизни. Принято считать, что, вернувшись на родину, писатель начал во всём придерживаться советской идеологии и даже стал, по выражению В. Ходасевича, “рабом и льстецом” при дворе Сталина. Перечитывая сегодня его публицистические произведения 1930-х годов, можно сказать, что он поддерживал политику коллективизации крестьянства (но не насильственную!), восторженно отзывался о стройках социализма и особенно восхищался результатами культурной революции, благодаря которой в СССР растёт новый Человек и создаётся новое общество.

Во имя осуществления собственной романтической идеи социализма Горький принял условия той хитроумной игры, которую вёл с ним Сталин. Выманив писателя из Сорренто, вождь надеялся использовать его для пропаганды достижений социализма в СССР и за рубежом, а также для борьбы с собственной оппозицией. Но писатель делал лишь то, что не противоречило его собственным взглядам. Даже в условиях постоянного чекистского надзора он сохранял свои убеждения и веру в Человека. Вначале Горький рассчитывал стать одним из главных советников Сталина, чтобы смягчить его грубость и жестокость и осуществить собственные давние планы просвещения народа и развития культуры в стране. Он наивно полагал, что можно примирить вождя с деятелями антисталинской оппозиции, левой и правой, и вёл себя, как в 1910-х годах, когда мирил Ленина с Богдановым, и как в 1920-х, спасая от гибели русскую интеллигенцию. Он и теперь стал посредником между сталинистами и оппозиционерами, делая всё, чтобы смягчить репрессии против Каменева, Бухарина, Рыкова, которых знал много лет.

Приехав в 1928 году как “наблюдатель”, Горький уже с 1929 года активно включился в работу по строительству советской культуры и цивилизации, но вскоре понял, что его довольно беззастенчиво используют. Всесильный глава ОГПУ Г. Ягода предлагал Горькому не только поехать на Соловки и Беломорканал, но и прославить “доблестных чекистов” (главное, его самого), написать пьесу о “вредителях”, осудив “врагов народа”, которых будут судить на очередном процессе. И Горький хитрил, делая совсем не то, чего от него ждали. В очерке о Соловках он рассказал, главным образом, об истории острова, питомнике чернобурых лис и соболей, о театре и о малолетних преступниках, которых он с помощью М. Погребинского перевёл на материк. В письме Г. Ягоде писатель даже извинился за этот очерк: ведь все материалы, которые он собрал, у него странным образом пропали. Пьесу “Сомов и другие”, написанную после Шахтинского процесса, Горький никогда не печатал и не ставил на сцене. От предисловия к книге о пограничниках он отказался, на Беломорско-Балтийский канал не поехал, но послал писательскую бригаду из 120 известных писателей. А в книге о канале не стал писать предложенную ему главу “Добить классового врага”. Проведя весь 1930 год в Сорренто, он приехал в СССР только после окончания процесса над меньшевиками, среди которых были хорошо знакомые ему Н. Суханов, В. Громан, В. Базаров и др.

Горького так и не удалось сделать придворным певцом сталинского режима и создателем культа личности вождя. Об этом говорят не известные ранее факты. Начиная с 1931 года писателю постоянно намекали, что нужно написать художественный очерк о Сталине, подобный очерку “В. И. Ленин”. Но он упорно отказывался, ссылаясь на отсутствие материала и недостаток знаний, а осенью 1931 года уехал в Сорренто. В конце этого года ему выслали все материалы по биографии Сталина, однако Горький не торопился начинать работу. В начале 1932 года он получил предложение от англо-американских издателей Рея Лонга и Ричарда Смита написать очерк о Сталине для книги “Россия сегодня” (другое название “Правда о России”). Ему сообщили, что такая “чрезвычайно важная книга выйдет самым широким тиражом”, ибо в ней предполагается участие самого Сталина, который напишет о своей работе и достижениях социализма. Рей Лонг побывал у Горького в Сорренто, заключил с ним контракт и даже выслал ему 2500 долларов в качестве аванса.

М. Будберг, которая должна была перевести очерк, всячески уговаривала Горького согласиться, уверяя, что книга крайне нужна, ибо повлияет “на вопрос о признании России Америкой”. Против такого аргумента Горький не устоял и в марте 1932 года после переговоров со Сталиным начал работу. Он написал только одну страницу, на которой рассказал об истории Грузии и её прекрасной природе, упомянул даже о походе аргонавтов за золотым руном, но так и не написал ничего о вожде. 14 марта Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению Сталина приняло решение отклонить предложение Р. Лонга из-за его попытки “исказить характер договора”. И Горький вернул аванс. Можно сказать, что к созданию “культа личности” Сталина он непричастен. Об их контактах свидетельствует переписка, продолжавшаяся почти до смерти писателя. Выступая в идеологическом плане единомышленником вождя, Горький использовал их отношения для совместной работы в сфере государственного и культурного строительства. Но он никогда не стеснялся говорить правду в лицо сильному мира сего. После смерти сына, очень похожей на убийство,

и убийства Кирова он окончательно замкнулся в себе и перестал доверять властям. Его не удалось втянуть в заговор против Сталина, но он знал о замыслах оппозиции. Поэтому “смерть от болезни”, тщательно организованная “фармацевтом” Ягодой, стала финалом его удивительной жизни. Неисправимый романтик и идеалист, он погиб, оказавшись между двумя жерновами огромной и страшной государственной машины.

Фактически только в начале XXI века после публикации запрещённых в СССР архивных материалов стал ясен масштаб деятельности Горького, подлинная картина творческого и духовного развития и его значение в мировой литературе. Горький воспринимается сегодня как провозвестник грядущей России, не только социалистической, но и современной. Его нужно читать и перечитывать заново, чтобы понять, какие уроки он оставил. Читать в детских садах сказку “Воробышка”, чтобы ребёнок знал, что мама всегда защитит его от любой опасности. В младших классах школы – легенду о Данко и Ларре, чтобы школьник, даже если он “супер”, понимал, что его способности и таланты должны служить людям, а не собственным желаниям и прихотям. Школьники постарше, прочитав или посмотрев “На дне”, могут понять, что “человек – это звучит гордо”, поэтому нужно жить достойно, чтобы не окантаться на дне жизни.

Горьковская автобиографическая трилогия учит, что человека создаёт активное сопротивление среде и постоянное самосовершенствование, а повесть “Дело Артамоновых” заставит подростков задуматься, стоит ли заводить собственное “дело”. Ведь оно крепко, только когда создано собственным тяжёлым трудом, а, полученное по наследству, превращается в постылую работу, которая мешает найти своё место в жизни. Наконец, художественное завещание Горького “Жизнь Клима Самгина” объяснит взрослому человеку многие тёмные страницы истории России, логику духовного развития либеральной интеллигенции и возникновение “пустой души” человека.

Пустота в человеческом сознании непременно должна быть заполнена, и горе людям, если там поселились безверие, вседозволенность и цинизм. Не должна пустовать и ниша в общественном сознании. При жизни Горького её заполняла идея социализма, мечта о всестороннем развитии Человека, всеобщем равенстве и счастье людей труда. Идеологи “перестройки” постарались привить молодому поколению ценности европейской “демократии”, культ доллара и американскую мораль. Но разве могут крикливые рекламы товаров заменить пропаганду великой идеи? Может ли лозунг “Обогащайтесь!” убить мечту людей о счастливым будущем, о мире и справедливости? Россия никогда не будет Америкой. Это прекрасно понимал Горький, пожив в США около года и написав американские очерки. Великий сын России, он действительно был её настоящим патриотом.

Вокруг личности и творчества Горького не раз возникали жаркие споры, так как он всегда был на первом крае острой идеологической борьбы и, по собственным словам, любил вмешиваться “в число драки”. Не потому ли ему доставалось и справа, и слева. Достается и сегодня. Но пережив испытание громкой славой и самой разрушительной критикой, он остался в истории мировой культуры как классик не только советской, но и русской литературы.